

Уроки немецкого

В 1946 году я поступил в 8^й класс Даровской средней школы. После окончания 7го класса Ключевской семилетней школы сведущие люди из деревни давали разные советы в части продолжения дальнейшего образования: кто-то советовал поступить в медицинское училище, находившейся в г. Котельнич за 50 км. от нашей деревни на стоматологическое отделение, другие – в Халтуринский сельскохозяйственный техникум, находящийся на удалении 100 км, где можно было получить специальность агронома или землеустроителя. Признаться, я не имел никакого представления, чем занимается стоматолог, да смутно представлял и работу агронома или землеустроителя.

Родители мои никаких советов не давали, решили, что я должен пойти учиться в 8^й класс. Доводов к этому было несколько: во первых – я был мал ростом и худ телом, во вторых – я за всю свою жизнь ни на один день не отлучался из дома и вряд ли смог бы жить в отрыве от семьи долгое время.

Село Даровское, где находилась средняя школа, было в 15 км. от нашей деревни. В то время никакого общественного транспорта не существовало и совершать ежедневные прогулки из деревни в школу, а из школы в деревню было не реально. Надо было жить на квартире и только на выходные приходить домой.

Отец, когда отвозил мои документы в школу, договорился с хозяйкой собственного дома, что она примет меня на квартиру. Она жила с сыном, который был годом старше меня и перешел уже в 9^й класс.

Занятия в старших классах начались, как и в предыдущие годы, с 1го октября, когда в колхозах основные сельскохозяйственные работы, связанные с уборкой урожая, были завершены и надобность в помощниках, каковыми были старшеклассники, - отпала.

Когда я с пожитками приехал в село, оказалось, что хозяйка, с которой была договоренность принять меня на квартиру, не может меня принять, т.к. к ней на жительство определили её близкого родственник, и посоветовала мне устроиться в соседнем доме.

Она объяснила, что в доме “хозяйничают” два брата. Отец находится в заключении, а мать их оставила и переехала в другой район. Старший из братьев был на 2 года старше меня, работал в промкомбинате жестянщиком, а младший – мой одноклассник, учился в школе. Она проводила меня к своим соседям, и мы договорились об условиях квартирования.

Дом был большой, добротный. Оказалось, что у них квартирует пятеро таких же, как я, подростков, с которыми я вечером и познакомился. Некоторые из них учились в школе, некоторые уже работали.

На другой день я пошел в школу. Выяснилось, что я зачислен в 8^й класс, который укомплектован выпускниками семилетних периферийных школ. Из Ключевской семилетней школы, которую я окончил, нас было четверо.

Класс был переполнен – где-то под 40 учеников. Парт не хватало, сидели за некоторыми по 3 человека.

Классным руководителем был назначен Басов (имя, отчество, к сожалению, не помню). Он, как оказалось, вел математику, был высок ростом, говорил густым басом. По форме одежды и многочисленным нашивкам, в т.ч. обозначающим не одно ранение, нетрудно было заключить, что он бывший фронтовик из среды армейских командиров среднего звена. На классном организационном собрании он поздравил нас с началом учебного года, пожелал успехов в учёбе и недвусмысленно предупредил, что с разгильдяями и бездельниками руководство школы церемониться не намерено и не будет, что позволит привести класс к нормальной численности. Как оказалось в ближайшем будущем, это

были не пустые слова. За месяц – полтора класс покинули не менее десяти человек: кто добровольно, а кто и вынуждено.

Семилетнюю школу я окончил вполне успешно – с одной четверкой по конституции СССР. Поэтому особой тревоги предстоящая учеба у меня не вызывала, кроме немецкого языка. Дело в том, что в 7^м классе из-за отсутствия преподавателя уроков немецкого языка не было. В 5 и 6 классах его нам преподавал демобилизованный из армии по ранению Медведев Николай Иванович, уроженец с Ключевая, где и располагалась наша школа. Он же вел и военное дело. Вел он уроки немецкого языка только потому, что никого другого просто не было, т.е. в силу необходимости. Никакой специальной подготовки для этого у него не было: что осталось от школы, да от обучения в военном училище, которое он окончил в начале Великой Отечественной войны. И конечно, не только его вина в том, что за два года даже вполне успевающие ученики с трудом научились кое-как читать и писать простейшие тексты, но и наша, т.е. учеников, не имеющих никакого желания изучать язык нашего коварного и жестокого врага, который принес столько бед и страданий, как нашей стране в целом, так и каждой семье. О каких-либо познаниях в немецкой грамматике я умалчиваю.

В 1945 году Николай Иванович попрощался с нами и уехал на учебу в г. Киров в пединститут. Замены не последовало, и в 7^м классе мы не только не изучали немецкого языка, но постарались забыть и то немного, что узнали в 5 и 6 классах, не задумываясь о последствиях.

С самого начала учебного года в расписание ставили по 6 – 7 уроков ежедневно, исключая субботу. В субботу ставили не более 5 уроков, т.к. большинству учеников предстояло попадать домой за 25 – 30 – 40 км., чаще пешком, т.к. общественного транспорта, как я выше отметил, не было. Машин практически не было, об автобусах я и не говорю. Только за некоторыми из нас, приурочив деловую поездку в район на субботу, выпадало счастье преодолеть эти немалые расстояния в бесснежное время – на телеге, а зимой – на санях. Я, как правило, преодолевал эти 15 км. от села до деревни – пешком.

Первые недели – две в расписании уроков немецкого языка не было.

На наши вопросы – почему этих уроков нет, нам отвечали, что пока нет учителя. Это как-то успокаивало, но в то же время и тревожило. Тревожило потому, что в дальнейшем придется нагонять, а нас, таких, как я, в классе было больше половины. Оказалось, что некому было преподавать немецкий язык не только в нашей школе, но и в ряде других.

Недели две спустя после начала занятий наконец-то в расписании появились и уроки немецкого языка. Они были поставлены не первыми, а третьим или четвертым. В классе никто не имел никаких сведений об учителе.

Как потом выяснилось, один из нас, Толя Арбузов из с. Окатьево знал этого учителя, но в силу определенных обстоятельств никому об этом ничего не говорил.

Хорошо помню эту первую встречу с Лигией Альбертовной. Прозвенел звонок на урок. Мы собрались в классе. Открылась дверь, в класс вошла наша новая учительница, за нею – директор школы Василий Феодулович Смёрдов. Мы стоя встретили их, Лигия Альбертовна поздоровалась с нами по-немецки, директор – на родном языке. Предложил сесть. Они оба продолжали стоять за учительским столом. Первым заговорил Василий Феодулович. Он сказал, что в силу ряда причин с начала учебного года не было возможности заниматься немецким языком. Сейчас такая возможность появилась, и уроки будут проходить регулярно, по два в неделю. Представил нам нового учителя, дважды назвав её имя и отчество, поскольку они для нас были несколько необычными. “Запомните, Лигия Альбертовна”, – сказал он, пожелал нам успехов в изучении этого предмета, пожелал и Лигии Альбертовне успехов в нашем обучении и покинул класс. Лигия Альбертовна села за стол, раскрыла классный журнал и сказала: “Давайте знакомиться. Я буду называть фамилию, каждого из вас после этого прошу встать, назвать школу, где каждый из вас учился, сообщить мне, изучался ли немецкий язык в вашей школе и на протяжении каких классов”.

Первым в списке был Арбузов Толя. Когда она назвала его фамилию, он встал и сказал, что в школе из-за отсутствия учителя в 7^м классе уроков немецкого языка не было, но что он занимался индивидуально с репетитором. Лигия Альбертовна больше ничего уточнять не стала, сделала какую-то пометку в журнале и назвала фамилию следующего ученика. Это был Береснев Аркадий. И так она прошла по всему списку. Спрашивала, делала какие-то пометки и называла фамилию следующего ученика. На это ушел практически весь урок. В конце урока она встала из-за стола, поблагодарила нас за предоставленную ей информацию и обобщила услышанное. А услышанное, как она сказала, её не обрадовало. Общий уровень подготовки весьма слабый. Плохо то, что во многих школах не было уроков немецкого языка в 7 классе, что сводит на нет те небольшие знания, что были учащимися получены в 5 и 6 классах. Нужно начинать едва ли не с нуля. Но она надеется, что при нашем желании мы сообщаем наверстаем упущенное. Ещё она говорила, что для каждого образованного человека, а нас она в дальнейшем видит именно образованными людьми, - знание иностранных языков просто необходимо.

Все это она говорила ровным голосом, внимательным взглядом с полуулыбкой на лице окидывала наши ряды без строгости в голосе. Мы сидели притихшие с чувством вины за плохую подготовку, стараясь не встречаться с её взглядом.

Прозвенел звонок, Лигия Альбертовна попрощалась с нами по-немецки и вышла из класса. Мы, вопреки привычке сразу же покидать класс после окончания урока, продолжали молча сидеть за партами. Наверное, каждый из нас задумался над тем, что упущенное придется наверстать упорным трудом. Впечатлениями не делились -.

Речь Лигия Альбертовны была ровная, без излишних интонаций, голос не звонкий, но внятный, приятный на слух, фразы четкие, законченные и правильно построенные. Но улавливался какой-то небольшой акцент, что наравне с её необычным для наших мест именем и отчеством позволяло думать, что она выходец из других краев. Роста она была выше среднего, стройная, но не худая, с правильными чертами лица. Глаза карие, волосы темно-каштановые, не коротко остриженные, волнистые от природы или подкрученные.

Одета была в темно-коричневый из тонкой шерстяной ткани ладно сидящий на ней костюм, под жакетом была одета белая блузка со стоячим воротом, завязанным цветной неширокой лентой с маленьким бантом. Что особенно меня поразило в её одежде – это кружевной аккуратно сложенный, помещенный в нагрудный кармашек платок. Эта необычная для меня деталь костюма во все последующие годы непременно присутствовала в одежде Лигии Альбертовны. На ногах были черные туфли на невысоком каблуке.

На следующий урок Лигия Альбертовна пришла почти в том же костюме. Также поздоровалась по-немецки, предложила сесть, как и на первом уроке по журналу называла каждого из нас, внимательно всматривалась, запоминала.

Это тоже не было уроком. Скорее, она договаривалась с нами о порядке построения учебного процесса на будущее. А порядок должен быть таков: Лигия Альбертовна заходит в класс, здоровается с нами на немецком языке, ученики стоя за партами отвечают на её приветствие по-немецки. По её разрешению садимся за парту. После этого следует её вопрос: “Кто сегодня дежурит?”. Дежурный должен встать, назвать себя и подтвердить, что он сегодня дежурный. На вопрос, кто отсутствует, дежурный должен назвать их фамилии и, если знает причину отсутствия, - изложить её. После рапорта дежурного, Лигия Альбертовна спрашивала, все ли сегодня готовы к уроку. Тот, кто не был готов к уроку, должен встать и сказать, что он к уроку не готов и объяснить причину.

Лигия Альбертовна делала пометку в журнале и сообщала, что на следующем уроке она обязательно спросит ученика по невыученному материалу и по материалу сегодняшнего урока. Все объяснения должны были происходить на немецком языке. Все фразы, связанные с этой процедурой объяснений на этом уроке были записаны на доске и в тетрадях, отрепетированы и в дальнейшем неукоснительно исполнялись.

А в школе дела мои были неважные. Причин было несколько. Одна из них – постоянная тоска по дому, по деревне. Раньше я никогда не отлучался от дома, от семьи, а тут должен был жить по неделе в непривычной для меня обстановке. Во вторых, – надо было как-то организовать свое питание. Была карточная система. Купить что-либо из продуктов было невозможно, да и денег у меня не было. Питаться приходилось тем, что я приносил из дома в расчете на неделю, непортящееся – Холодильников, понятно, не было. Картошка, хлеб, подсоленное масло, вареное молоко и творог на первые день-два. А дальше-сухомытка. Правда, были овощи: морковь, репа, брюква. И третья немаловажная причина – отсутствие скольких-нибудь нормальных условий для домашних занятий. Представьте себе наш коллектив квартирантов. Это 6 подростков да плюс два подростка наши хозяева. Итого 8 человек. Кто-то уже работал, кто-то учился в школе. Какая тут была подготовка домашних заданий? Возня, игра в шашки, шахматы, карты. Бегали на стадион гонять мяч, пытались играть в волейбол. А вечером набегали на огороды за овощами. Следует сказать, что пойменные луга протекающей через село речки Кобры во время войны были раскопаны под огороды как индивидуальные, так и коллективные. Коллективные имела МТС, промкомбинат, артель инвалидов, крахмало-паточный завод, связисты и ряд других организаций, в которых было налажено общественное питание. Эти организации выращивала для общественного питания картофель и овощи. Уборка их затягивалась до конца октября-начала ноября. И вот с наступлением темноты наш дружный коллектив отправлялся на эти огороды. Кто-то следил, чтобы нас не “застукали”, кто-то занимался “заготовкой”. Тут же на реке мыли “заготовленную “продукцию” и несли домой. Не участвовать не полагалось.

Таковы были правила, хотя многие из нас понимали, что это осудительно.

Все это не могло не сказаться на моей успеваемости. Я “скатился” на тройки, нередко были и неуды.

Когда я на выходной приходил домой, старался не жаловаться на плохие условия проживания, не распространялся и о своих “успехах” в учебе. Дома были уверены, что, как и в семилетней школе, с учебой у меня все в порядке. Поскольку занятия в 8 классе начались только с 1 октября, к ноябрьским праздникам, как это было принято, итоги за 1^ю четверть не подводились. Их подвели к зимним (новогодним) каникулам. Они для меня были неутешительны. Почти по всем предметам, в т.ч. и по немецкому языку были тройки. Я дома о своих “успехах” не распространялся. Отец, будучи по каким-то делам в райцентре, нашел время зайти в школу и поинтересоваться моими успехами. То, что он узнал, его, безусловно, расстроило. Дома он спросил меня о причине такого провала, и я, как мог, объяснил ему, что мешает мне более-менее нормально учиться. После зимних каникул я был переведен на другую квартиру, но это мало что изменило. Эта семья в составе 7 человек ютилась в однокомнатной неблагоустроенной квартире с печным отоплением. На ночь с трудом можно было определиться со спальными местами. Сын хозяев Николай был на три года старше меня, работал слесарем в промкомбинате. Он круглый год спал на сеновале, устроенном над хлебом, в котором хозяева держали корову. Там определили и мне спальное место. В толще сена была устроена ниша длиной не менее 2^х метров и 1,5 метра высотой. Лаз в нее был занавешен плотной тканью. На соломенные матрацы был расстелен меховой овчинный тулуп, сверх которого накинута простыня. Одеялом служил такой же тулуп. Света, конечно, не было. Забирались на сеновал по приставной лестнице. Надо сказать, что мы там не мерзли, даже в сильные морозы. С питанием стало чуть полегче, т.к. мне каждый день перепадало молоко.

Домашние задания я старался выполнить сразу по возвращению из школы за кухонным столом, пока семья не собралась. Маркел Петрович, хозяин квартиры, работал ночным сторожем на складах “Заготзерно” и в дневное время, отдохнув с утра после ночной смены, занимался сапожным ремеслом. Его рабочее место находилось на кухне, и уроки приходилось выполнять под стук сапожного молотка. Правда, была и определенная для

меня польза от этого соседства. Я и раньше занимался починкой обуви, а здесь имел возможность наблюдать работу мастера и многое старался перенять.

Занятия в школе шли своим чередом. Учитывая нашу слабую подготовку по немецкому языку, уроки наши начались практически с нуля. Повторили алфавит. Лигия Альбертовна объяснила все возможные сочетания, их звучание отрабатывали вслух и на доске. Видя наш малый словарный запас предложила обзавестись блокнотиками в полтетради размером и заносить в них группы слов: дни недели, месяцы, числительные от 1 до 20, предметы быта, глаголы, прилагательные и т.д. Все обращения на уроках только на немецком языке. Главное, она старалась снять с нас скованность и замкнутость, что присуще каждому из нас, когда ты слабо знаешь предмет. Каждую фразу, что мы пытались “слепить”, она подправляла, объясняла неверности и заставляла неоднократно её повторить. Никогда не повышала голоса, всегда с доброжелательной улыбкой на лице, без малейшего намерения обидеть, отчитать.

Учебников немецкого языка практически не было, да в данной ситуации такого учебника и не могло быть. Было трудно понять по программе какого класса мы занимаемся. Постепенно стали изучать и грамматику. Следует отметить, что грамматика немецкого языка довольно сложная. Каждое существительное имеет свой артикль, обозначающий род. Далеко не всегда слово мужского или среднего родов в русском языке таковыми являются в немецком. Скрытая буква “Н”: где-то произносится, где-то присутствует. Прямой и обратный порядок построения предложения; при первом – существительное д.б. обязательно на первом месте, а глагол – на втором и наоборот, и только так и не иначе. Два прошедших времени и многое другое.

Я, как мог, старался овладеть этим предметом, но успехи были неутешительные. По дороге домой на выходные и обратно в школу словарик был в кармане, и я упорно заучивал слова. К концу учебного года Лигия Альбертовна стала практиковать контрольные работы, как словарные, так и грамматические.

Перевод русских слов на немецкий, немецких – на русский, перевод текстов. Были и неуды, чаще – тройки и очень редко четверки. Годовая оценка – тройка. И таких в классе была добрая половина.

В период летних каникул случились два неприятных события. В конце июля я упал с довольно высокого дерева и сломал левую руку. Это освободило меня от обязательного участия в сельскохозяйственных работах в колхозе. Я сосредоточился на своем огороде. И второе – мама заболела желтухой и была госпитализирована в районную больницу. Учитывая характер заболевания и скудность больничного питания я через день навещал её в больнице. Это, безусловно, не имеет отношения к немецкому языку, о чем я пытаюсь писать, если бы не одно обстоятельство, вытекающее из этого. Дело в том, что мама в больнице оказалась в одной палате с учительницей начальной школы в с.Даровское Тиуновой Александрой Аверкиевной. У неё случился какой-то глубокий нарыв в височной части лица. Требовалось хирургического вмешательства, но местные хирурги опасались при проведении этой операции повреждения кровеносных сосудов и нервных стволов, пронизывающих эту часть лица. Лечение затягивалось, боли были нестерпимыми и соседи по палате пытались хоть чем-то помочь Александре Аверкиевне. Наконец операция была проведена, начался восстановительный период, и мама, дела которой тоже пошли на поправку, приняла в этом самое близкое участие. Они познакомились, разговорились, и мама поведала Александре Аверкиевне о проблемах со мной.

В один из моих очередных навещаний мамы в больнице, она меня представила Александре Аверкиевне. Расспросив об учебе и условиях квартирования, она предложила с началом учебного года остановиться на квартиру у нее. Дала свой адрес, познакомила со своим сыном Виталием, с которым она жила в 2^х комнатной квартире. Муж ее тоже был учителем, погиб на фронте. С её предложением мы с мамой, конечно, согласились. Александра Аверкиевна производила на себя не очень приятное впечатление. Очень смуглое лицо, черные глаза и волосы, внимательный взгляд, довольно резкий голос,

невысокая, плотная фигура – такие мои первые о ней впечатления. Таких обычно побаиваются. В дальнейшем мои первые впечатления коренным образом изменились. Она оказалась душевным, заботливым, внимательным человеком. И была прекрасным учителем. К 150-летию образования Даровской средней школы (юбилей отмечали в 1989 году) Александра Аверкиевна была единственная, награжденная высшей наградой Союза ССР – Орденом Ленина. За ту заботу и внимание, которые я ежедневно ощущал с её стороны за два года, учась в 9 и 10 классах, я благодарен ей до сих пор.

С переходом на квартиру к Александре Аверкиевне условия моего пребывания положительно изменились. У нее квартировал уже 3^й год Двойнишников Олег. Он учился в 10 классе. У нас с ним была маленькая комната и в ней все необходимое для выполнения домашних заданий.

Если в 1946 году в школе было 3 восьмых класса, то путем отсева из них в 1947 году было сформировано только два девятых класса. В наш переформированный класс попали ряд учеников из других классов. Занятия, как и в предыдущий год, начались с 1 октября. У нас сменился классный руководитель. Им стала Анна Александровна Рокина, выпускница Кировского пединститута. Она была только на пять-шесть лет старше нас и как-то быстро сумела наладить с нами добрые отношения. Мы вновь встретились с Лигией Альбертовной. На этот раз нам уже были привычны её подход к нам и её непеременные требования к подготовке уроков и работе на уроках. Кое-что удалось узнать, кто она и откуда. Когда Толя Арбузов на первом уроке немецкого языка в 1946 году сказал, что он занимался индивидуально с репетитором, оказалось, что этим репетитором была Лигия Альбертовна.

Следует отметить, что он пожалуй, был самым успевающим из класса по немецкому языку. Правда, он не плохо успевал и по другим предметам. Так вот, от него мы никаких сведений практически не получили. Они стали нам известны скорее через Эллу Свердлову, теперь нашу одноклассницу. Она была дочерью гл.врача районной больницы, куда, как известно, всегда стекаются разные сведения. Нам стало известно, что Лигия Альбертовна находится в ссылке с 1940 года. Была направлена в Окатьевский лесопункт, где директором был отец Анатолия Арбузова. Через него директор нашей школы Василий Феодулович узнал, что там, в лесопункте на лесозаготовке отбывает ссылку молодая женщина, которая хорошо знает и русский, и немецкий языки. В школе не было учителя немецкого языка, и директор школы через партийные и режимные органы района и области добился разрешения перевести её в Даровскую среднюю школу учителем немецкого языка. Это было не простое по тем временам дело. Только благодаря большому авторитету Василия Феодуловича, как в р-не так и в области ему удалось осуществить этот перевод.

Василий Феодулович Смёрдов действительно имел заслуженный авторитет как в р-не, так и в области. С первых дней Великой Отечественной войны он был на фронте в качестве политработника. Имел много боевых наград. И демобилизовавшись, предпочитал носить военную форму. Часто выступал с докладами по случаю тех или иных праздничных дат в районном доме культуры, с лекциями о международном положении.

Мне неоднократно удавалось бывать на этих мероприятиях, и я хорошо помню до сих пор его темпераментные яркие выступления. Поэтому случаю хотелось бы привести одну деталь. Он картавил и внешне очень походил на В.И.Ленина, гипсовый бюст которого стоял на сцене за столом президиума, и каждый из присутствующих на мероприятии мог наблюдать их внешнее сходство.

Узнали мы, что муж Лигии Альбертовны в буржуазной Эстонии занимал важный государственный пост, а с установлением в 1940 году Советской власти в Эстонии и вхождении её в состав Союза ССР в качестве союзной республики не признал советскую власть и получил длительный срок тюремного заключения, а Лигия Альбертовна была отправлена в ссылку сроком на 25 лет.

С 1940 по 1946 годы отбывала срок на лесозаготовках в Окатьевском лесопункте.

Возможно, она не участвовала на лесоповале, но обрубать сучья, разделявать хлысты, доставлять и укладывать их в штабеля на берегу реки Молоны с последующей срывкой древесины в период весеннего паводка ей, безусловно, пришлось. Жила в бараке с удобствами "во дворе", питалась положенным пайком, общалась с такими же обездоленными как и сама. Завидовать не приходится.

В 1946 году после того, как ей разрешили работать в школе, жила в учительском доме на школьном дворе под надзором органов внутренних дел. Если ей было нужно съездить в то же Окатьево, она должна была получить на это соответствующее разрешение в органах внутренних дел, а по возвращению в установленный срок отметить там же свое прибытие. Таков порядок для находящихся в ссылке.

Не все и не сразу это узнали, но старались ничем не выдать нашу осведомленность. Видя, с каким упорством, умением и старанием она обучает нас немецкому языку, для многих ненавистному, мы прониклись к Лиги Альбертовне еще большим уважением. Наверное, Лигия Альбертовна чувствовала неприязнь некоторых из нас к немецкому языку и однажды провела с нами воспитательскую беседу. Она сказала, что эту неприязнь необходимо преодолеть. Немецкий язык – язык древний, используется для общения сотен миллионов человек. Он был до Бисмарка и Гитлера и остается востребованным и после них. Это язык культуры, поэзии, философии и техники.

Не знаю, предусматривалось ли программой заучивание наизусть текстов стихотворений, но в период учебы в 9 и 10 классах мы разучили "Песню о Родине". "Интернационал". "Гимн Советского Союза", некоторые стихи Гейне и Гёте и др. Объем контрольных работ увеличивался. Я старался как мог, но и в девятом классе не смог подняться выше тройки. Занятия в 10 классе в 1948 году начались с 1го сентября. Из двух 9^х классов был сформирован только один десятый. Нас было 28 человек: 13 девочек и 15 хлопцев. После зимних каникул Лигия Альбертовна попросила остаться нас после уроков "для серьезного разговора", как объяснила она. Присутствовала и классный руководитель Анна Александровна. Мы, конечно, не догадывались о теме "серьезного разговора". Она начала с того, что нашей стране нужны инженеры, военные, учителя, врачи и другие специалисты и что нам после окончания школы следует учиться дальше, и что вполне возможно, поступив в институт или другое высшее учебное заведение, каждый из нас может попасть в группу, в которой по программе изучения иностранных языков будет не немецкий, а другой: английский, французский или испанский. Поэтому, она предлагает нам после уроков два раза в неделю заниматься изучением основ английского и французского языков. С дирекцией школы это согласовано. Конечно, это дело сугубо добровольное, каждый решает сам за себя. Так мы узнали, что Лигия Альбертовна владеет ещё и английским, и французским языками. Я не могу определенно утверждать, но мне кажется, что изъявили желание заниматься все.

Предпочтения разделились. Большая часть, в т.ч. и я изъявила желание заниматься изучением английского языка, а человек 8-10 французским. Так появилась еще одна дополнительная нагрузка.

Занятия не пропускали. Учебников, естественно, не было, все записывали в тетрадь. Начали с алфавита. Трудным к восприятию оказались расхождения между произношением и написанием слов в английском языке, пополняли словарный запас, изучали основы грамматических построений и др. Мы не только под диктовку вели свои записи в тетрадях, но и должны были обсуждать и отвечать по пройденному материалу. Отличие от обычного урока было только в том, что уровень наших знаний не влиял на нашу школьную успеваемость. Результатом этих занятий были некоторые познания в английском языке и две общие тетради с изложением в них пройденного материала. Занятия продолжались до окончания учебного года.

И что интересно? На немецком языке помимо уроков мы между собой не разговаривали, несмотря на то, что многие из класса хорошо им владели. А вот как только овладели основами английского или французского языков - нередко стали на переменах

обмениваться отдельными фразами. Особенно это было заметно со стороны тех, кто занимался французским.

В июне нам предстояло сдавать выпускные экзамены на аттестат зрелости. Мне кажется, экзамены не были предусмотрены только по физкультуре, военному делу, черчению. По всем остальным предметам школьной программы предстояло отчитаться в объеме средней школы. Так, по истории необходимо было знать материалы как по истории СССР, так и по новой истории за 8, 9 и 10 классы. Это 6 учебников с сотнями дат в хронологических таблицах. То же по математике, русскому языку и литературе.

Причем, любая неудача на экзамене по любому предмету исключала возможность сдачи экзаменов по другим предметам и лишала неудачника возможности завершить образование на другой год. Условия были чрезвычайно жесткие.

Предстоял экзамен и по немецкому языку. Мы были готовы к этому и не сомневались, что провалов не будет, но хотелось бы не огорчать Лигию Альбертовну косвенными оценками, да и самому было бы приятно “перешагнуть” через ставшую традиционной “тройку”.

Первые потери класс понес при сдаче экзамена по математике. Володя Рыков получил “неуд” и выбыл из наших рядов. Все очень переживали. Он был далеко не слабый ученик, очень компанейский парень, из села, со всеми был дружен, хороший спортсмен. Он в том же году поступил в военное училище. С ним я больше не встречался.

Когда были сданы первые экзамены по русскому языку и литературе, по математике, предстоял экзамен и по немецкому языку. Именно в это время Лигия Альбертовна оказалась в больнице по случаю заболевания детской болезнью – корью. Болезнь протекала тяжело. Мы все очень переживали, собирались толпой у больничного корпуса справлялись о её здоровье. Когда кризис миновал, Лигия Альбертовна появлялась в окне больничной палаты на 2^м этаже, приветствовала нас, справлялась, как сдаем экзамены.

В дирекции школы нам сообщили, что экзамен по немецкому языку будет принимать комиссия, в составе которой будет учитель немецкого языка из другой школы. Мы пытались протестовать, предлагали перенести экзамен по немецкому языку на более позднее время с расчетом, что к тому времени Лигия Альбертовна поправится, но менять расписание сдачи экзаменов было не положено. Тогда наша “делегация” заявила директору, что класс не придет на экзамены, на что директор ответил, что все мы будем исключены из школы. Наш протест не поддержали ни Лигия Альбертовна, ни Анна Александровна. Пришлось смириться.

В назначенный день был экзамен по немецкому языку. На нем я не смог “перешагнуть” выше традиционной “тройки”. Экзамены продолжались почти до конца июня. Средний бал по всем предметам – три с плюсом. Выпускной вечер состоялся в здании школы. Лигия Альбертовна на нем не присутствовала. И так оказалось, что последний раз я видел Лигию Александровну в окне больничной палаты.

Стали определяться, куда пойти учиться? В те послевоенные годы большой популярностью среди юношей пользовались военные учебные заведения. В 1949 году мы по достижении 18-летнего возраста были поставлены на воинский учет в райвоенкомате. Впоследствии работниками военкомата был проведен опрос, в какие из военных учебных заведений каждый из абитуриентов хотел бы поступить. У меня с детства были мечты стать морским офицером. Этому, безусловно, способствовала то, что мой отец отслужил на флоте 9 лет - с 1914 по 1923 г.г.

В краснофлотской книжке при его демобилизации в 1923 году записана должность - старший машинист линкора “Петропавловск”.

На этом боевом корабле Балтийского флота в 1921 году размещали штаб руководителей Кронштадского мятежа. Отец в это время на этом корабле нес службу, но последовавшие после подавления мятежа репрессии его не коснулись. В феврале 1942 года он, 1895 года рождения, не подлежащий по возрасту мобилизации, но как специалист, был призван на флот, но база Балтийского флота Кронштадт, как и Ленинград, были в блокаде, и его

направили в запасной полк, потом недолгое нахождение на фронте, ранение, госпиталь, трудовая армия, инвалидность и демобилизация в сентябре 1943 года. Этим отступлением от темы я хочу подчеркнуть, что у меня с детства были собственные представления о морской службе.

Я изъявил желание попытаться поступить в Высшее Военно-Морское инженерное училище им. Ф.Э.Дзержинского и через военкомат оформил соответствующие документы. Шансы мои были не велики. Успеваемость на три с плюсом, рост 160 см., вес 47 кг. Конкурс был до 15 человек на место. Я не прошел по конкурсу.

Документы переслали на военкомат, где я и должен был их получить. 20го июля я пришел за ними. Работник военкомата отчитал меня за то, что я не смог поступить в училище и тут же предложил поехать в Казанское авиатехническое училище, на что я не согласился. Он настаивал и документы мне не выдал. Я отправился обратно домой. Отец эту настойчивость работника военкомата расценил, как грубое давление, поскольку я по возрасту еще не подлежал призыву в армию и предложил на завтра снова отправиться в военкомат и потребовать выдачи документов, что я и сделал.

Когда я предстал перед работником военкомата, он спросил: "Ну, надумал?". На что я ответил, что, да надумал, выдайте мне документы и что не имеете права принуждать меня поехать в училище, в котором я учиться не хочу, поскольку я по возрасту не подлежу призыву.

Он удивленно посмотрел на меня и спросил: "Кто это тебя научил?". На что я ему ответил, что поумнел за время, пока вчера и сегодня шагами мерял эти 15 км. От деревни до райцентра.

Он встал, открыл сейф, нашел мои документы, швырнул их на стол со словами: "Ты еще будешь жалеть о том, что отказался от моего предложения, когда будешь с голоду сосать лапу в студенческом общежитии".

Я прошелся по селу. В школу заходить не хотелось. Квартира Александры Аверкиевны была закрыта, она была в отпуске. Направился домой в деревню. В центре села неожиданно повстречал Олега Двойнишникова, с которым я квартировал у Александры Аверкиевны. Он спросил, куда я определился с дальнейшей учебой, и я рассказал ему о своих неудачах. Он тут же предложил мне поехать в г.Молотов, (теперь Пермь) и поступить на землеустроительный факультет сельскохозяйственного института, где он уже отучился один год. Рассказал, какая это интересная специальность и какие широкие имеет возможности в будущем. Главное – нет никакого риска остаться без стипендии, т.к. её дают даже с тройками. А сдать вступительные экзамены на 4 и 5 в какой-нибудь технический вуз я не надеялся, а без стипендии мне было не обойтись, т.к. родители работали в колхозе и их доходы не позволяли меня содержать. Я это знал и учитывал в своих намерениях продолжать образование. Я обещал Олегу подумать о его предложении. Обсудили дома, другого выхода не было, да и время поджимало: вступительные экзамены в гражданских ВУЗах с 1го августа, а у меня еще и документы на руках. Высылать их по почте и ждать вызова времени не было, и я 26 июля поехал в г.Молотов. По приезду на другой день пришел в учебную часть, написал заявление, предъявил документы и услышал, что меня допустят к сдаче экзаменов во 2^й поток, с 15 августа. Услышанное меня огорчило. Я сказал, что не имею денег на поездку домой и обратно. Мое удрученное состояние и внешний вид небольшого ростом подростка в скромном одеянии, очевидно, повлияли на членов приемной комиссии. Мне предложили выйти из кабинета и подождать в коридоре. Через долгих для меня 15 минут меня пригласили в кабинет и сообщили, что учитывая обстоятельства, нашли возможность включить мне в 1^й поток. Конечно, я их искренне поблагодарил за такое решение, получил направление в общежитие и устроился там.

До начала экзаменов было несколько дней. Я успел пешком обойти большую часть города, запоминая улицы, площади, значимые здания, одним словом, – знакомился с

городом. В общежитии становилось многолюднее, подъезжали абитуриенты. Знакомились друг с другом.

Экзамены по расписанию следовали через 2-3 дня. Подлежало сдать русский и литературу (сочинение), математику (устно, письменно), физику и немецкий язык.

Экзамены я сдал без троек, и была надежда, что я буду зачислен. Ехать домой было не на что и я намеревался походить по городу и попытаться найти какую-нибудь временную работу. На 2^й день меня встретил комендант общежития и спросил, почему я нахожусь в общежитии после сдачи экзаменов. Я ему объяснил причину, он выслушал и предложил работу в общежитии, которая заключалась в покраске мебели, полов, панелей, оконных рам в общежитии, на что я охотно согласился.

Приезжали абитуриенты для сдачи вступительных экзаменов во второй поток. Встречались, знакомились. В дни экзаменов я ходил в институт, и были случаи - оказывал экзаменуемым кой-какую помощь.

В конце августа были вывешены списки зачисленных на 1^й курс. Среди них был и я. Так началась моя студенческая жизнь. На организационном собрании группы 1го сентября совершенно неожиданно меня избрали старостой группы. Этому поспособствовало, очевидно, то, что я "примелькался" как абитуриентам первого потока, так и второго.

На сентябрь нас направили на уборку картофеля в один из колхозов области. С 1го октября начались занятия. На первых парах учебный процесс нас немало удивлял. Парные лекции, практические занятия, самостоятельность в подготовке, т.к. не поднимают, не спрашивают за пройденный материал. Это, конечно, нас расхолаживало: можно не учить.

Другие предметы, другая методика, все вновь.

На нашем факультете иностранным языком был немецкий. Преподавала пожилая дама Балдина Елена Владимировна. Очень интеллигентная, хорошо воспитанная. Она была выпускница Смольного института.

На занятиях по немецкому языку я с удивлением для себя открыл, что среди нашей группы я едва ли не самый сведущий в немецком языке. На это обратила внимание и Елена Владимировна. Как-то подойдя к ней после занятий подписать рапортчку, что входило в обязанности старосты группы, она предложила мне присесть за соседний стол и рассказать, где я окончил школу и кто преподавал немецкий язык. Выслушав меня, она еще раз отметила мою хорошую подготовку и высказала пожелание, что было бы хорошо, если бы все общеобразовательные школы имели таких хороших учителей, как Лигия Альбертовна. И на сей раз выслушав такую похвалу в ее адрес от безусловно достойного коллеги, я еще раз поблагодарил судьбу, что мне выпало счастье быть учеником у такого учителя.

Свои две тетради, в которых я делал записи по изучению английского языка, я привез с собой и за ненадобностью они лежали в моем чемодане. С учебниками было плохо и однажды в разговоре со знакомыми с агрономического факультета, где иностранным языком был английский, он посетовал, что у него плохо идут дела с английским. Я вспомнил о своих записях и предложил их Николаю. Недели через две он разыскал меня и сообщил, что эти тетради, которыми он начал пользоваться на занятиях, попросила просмотреть их преподаватель, она же заведующая кафедрой иностранных языков. Он с извинениями сказал, что не мог их ей не дать и опасался, не обернется ли это какими-либо неприятностями для меня. Дня через два он передал, что меня хотела бы видеть на кафедре их преподаватель. Я на другой день после занятий зашел на кафедру, назвал себя и спросил, кто меня приглашал. Там же была наш преподаватель Елена Владимировна. К сожалению, я не запомнил имя, отчество заведующей кафедры. Это была женщина средних лет с приятным лицом. Она мне предложила сесть, рассказать, где я окончил среднюю школу, кто преподавал немецкий язык, т.е. последовали те же вопросы, что задавала мне и Елена Владимировна. Потом был вопрос: - откуда у меня тетради с записями по английскому языку. Я рассказал все, как есть. Завкафедрой выслушала мои

ответы на свои вопросы, взяла лежащие рядом тетради, полистала их и сказала: "Я их весьма внимательно просмотрела. В них не мало ошибок, но это не ошибки учителя, а ученика, происходящие от незнания предмета. Должна сказать, что методика изложения материала, сам подход к изучению английского языка позволяют угадать в этом преподавателе большого мастера своего дела. Она вернула мне эти тетради и предложила, что, если я в них не нуждаюсь, передать Николаю для пользования.

В институте на занятиях по немецкому языку теперь у меня была одна проблема – помогать другим. Правда, на экзамене по завершению первого курса я "схлопотал" четверку. И только потому, что сидел с билетом значительно больше положенного для подготовки ответа времени, как бы занимаясь подготовкой, а сам помогал готовить ответы другим, за что получил целый ряд замечаний от Елены Владимировны.

За второй курс у меня была пятерка, на третьем и четвертом курсах нужно было сдавать зачет по немецкому языку, так называемые "тысячи". Это 15-20 страниц печатного книжного текста. Я брал книгу модной тогда в Социалистическом лагере немецкой писательницы Анны Зегерс и без предварительного перевода, с листа ... сдавал этот зачет, не забывая при этом вспомнить добрым словом Лигию Альбертовну.

Институт я закончил в 1954 году, получил диплом с "отличием" и квалификацию инженера-землеустроителя.

В 1964 году имея уже большой опыт в производстве геодезических работ на городских территориях, я задумал обобщить эти навыки в виде кандидатской диссертации. Поступил на пропагандистский факультет университета марксизма-ленинизма при обкоме партии. Окончание этого факультета означало сдачу кандидатского минимума по философии. А для подготовки сдачи кандидатского минимума по иностранному языку я по личному заявлению и ходатайству организации, где я работал, был приказом по Петрозаводскому госуниверситету зачислен в группу соискателей. Первые же занятия показали, что я далеко не самый последний в этой достаточно многочисленной группе соискателей. И опять как я не мог не вспомнить при этом Лигию Альбертовну.

Я после окончания института не часто навещал родные края. Родителей не было в живых, они умерли, когда я учился на втором и третьем курсах. С кем-то из одноклассников во время приезда в родные края удавалось встретиться, с кем-то переписывался. И все вспоминали добрым словом Лигию Альбертовну.

Так, одноклассница по 10 классу Скочилова Поля рассказала, что по семейным обстоятельствам она после окончания 9 класса была вынуждена пойти работать Лигия Альбертовна встретила ее на рабочем месте, расспросила, пришли домой, побеседовала с родителями и Поля, пропустив год, окончила 10^й класс, поступила в пединститут, по окончании которого около 40 лет преподавала русский язык и литературу в родной школе. Я через кого-то узнал, что в 1956 году ссылка Лигии Альбертовны закончилась по амнистии. Она уехала в Эстонию.

В 1989 году мне довелось побывать в селе Даровском и навестить своего классного руководителя Анну Александровну. Они жили в частном доме. Огород утопал в цветах. Мы сидели на веранде, вспоминали прошлое, делились настоящим. Просматривая альбомы, я увидел фотографию, на которой были запечатлены Анна Александровна и Лигия Альбертовна. Фотография последних лет. Я спросил, где и когда они встречались? Оказалось, что Лигия Альбертовна неоднократно навещала село Даровское, что они регулярно переписываются. Это мне казалось чем-то неправдоподобным. Шестнадцатилетняя ссылка, лесозаготовки, бараки, изоляция из привычной с детства благополучной среды, надзор и другие негативные условия и неоднократные приезды в места, где все она вынуждена была пережить? Трудно поверить, но это было так.

Я взял адрес Лигии Альбертовны и решил написать ей письмо. Признаюсь, такое решение далось мне не просто. С одной стороны, хотелось в этом письме выразить глубокую благодарность Лигии Альбертовне за ее труд по нашему обучению, а с другой стороны одолевали сомнения – стоит ли ей напоминать о тех трудных для нее временах?

И все таки я решил написать письмо и приурочил это к дню 8 Марта, приложив какой-то сувенир. К этому времени известный фотомастер Семененко Олег Александрович выпустил хорошо оформленный фотоальбом с видами Карелии.

И вот этот фотоальбом и свое письмо я отправил с расчетом, чтобы они дошли до адрессата к 8 Марта.

Я не надеялся на ответное письмо, но оно пришло в первых числах апреля 1990 года. Приведу некоторые выдержки из этого письма:

“Добрый день, мой далекий бывший ученик! Искренно благодарю Вас за 40 лет памяти, за прекрасный альбом о Карелии. Прошу извинения, что я не сразу ответила Вам на Ваше длинное и обстоятельное письмо, хотя меня оно очень обрадовало, т.к. я помню Вас отлично. Всегда шустрый, бегавший быстро, сидящий тихо за партой, чтобы его не спросили, таким помню Вас хорошо. Вы были довольно маленького роста, карие глаза и всегда улыбающийся. Думаю, что не спутала Вас с другим. Бывают ученики, которые забываются, а Вас я помню...”

Конечно, вызывает удивление, что Лигия Альбертовна через столько лет помнит далеко не успешного ученика и в подтверждение этого дает его “письменный портрет” совершенно соответствующий действительности. Кому бы я из своих одноклассников не зачитывал строки из этого письма, - все подтверждали верность этого описания. Правда, рост мой резко изменился за первый год учебы в институте: аж на 14 см.

Далее Лигия Альбертовна пишет, что по возвращении в Таллин она пошла работать учителем русского (русского!) языка в семилетней школе. Через год получила место в одном из техникумов преподавателя иностранных языков, а через два года перешла преподавателем немецкого, английского и французского языков в один из институтов в г.Таллине, в котором проработала 20 лет, вплоть до выхода на пенсию. После выхода на пенсию еще 13 лет преподавала иностранные языки в других высших учебных заведениях. После окончания гимназии Лигия Альбертовна окончила Тартуский университет, а по возвращении из ссылки окончила университет Марксизма-Ленинизма с отличием и еще какой-то народный университет. (в письме нет пояснения).

“...Даровскую школу вспоминаю всегда с теплым чувством, т.к. мои ученики давали мне силу и радость творчества, которых я была лишена такие долгие годы. Это ведь была моя единственная радость в те исключительно тяжелые годы моей жизни, когда я чувствовала, как смотрят на меня ласковые, задорные глаза моих ребят, не знающих еще суровой жизни...”

“... Да, мне было очень тяжело все эти 16 лет на чужбине, и самое главное, я осталась без детей, т.к. не знала, что ждет меня...”

Дальше она пишет, что занимается изучением новых языков – это итальянский и шведский. На мое приглашение посетить Карелию Лигия Альбертовна сообщила в письме, что ранее о экскурсией была в нашей республике и что вряд ли новая поездка возможна в будущем по состоянию здоровья.

Сообщила свой адрес и номер телефона с приглашением посетить ее в Таллине.

Спустя некоторое время я написал ответ на это подробное обстоятельное полное теплых слов и добрых пожеланий письмо. Ответа не последовало.

Я не допускаю, что Лигия Альбертовна не захотелось отвечать на мое письмо. Скорее всего – она его не получила. Началась эпоха суверенитетов, разжигание неприязни между народами и недобрые люди старались всячески помешать добрым взаимоотношениям.

В начале 90^х годов мне довелось быть на семинаре в Швеции по вопросам ведения земельного кадастра. Заседания велись на английском языке с переводом на языки участников семинара.

В перерывах, при посещениях подразделений Шведской земельной службы мне удалось общаться с сотрудниками этой службы на немецком языке, т.к. многие шведы его хорошо знают. И я лишний раз не мог не вспомнить с благодарностью Лигию Альбертовну.

Прошло много-много лет с тех далеких сороковых годов, когда Лигия Альбертовна так умело и старательно обучала нас немецкому, английскому и французскому языкам. К чувству глубокой благодарности и в школьные годы, когда мы узнавали что-либо о её нелегкой судьбе, о тех невзгодах и лишениях, которые ей выпало пережить, оказаться "без вины виноватой" - в душе моей наплывало чувство и моей пусть небольшой, но доли вины за пережитое ею. Я думаю, мы все в какой-то степени виноваты в этой несправедливости.

Владимир

В.А.Лодыгин
Ученик Лигии Альбертовны